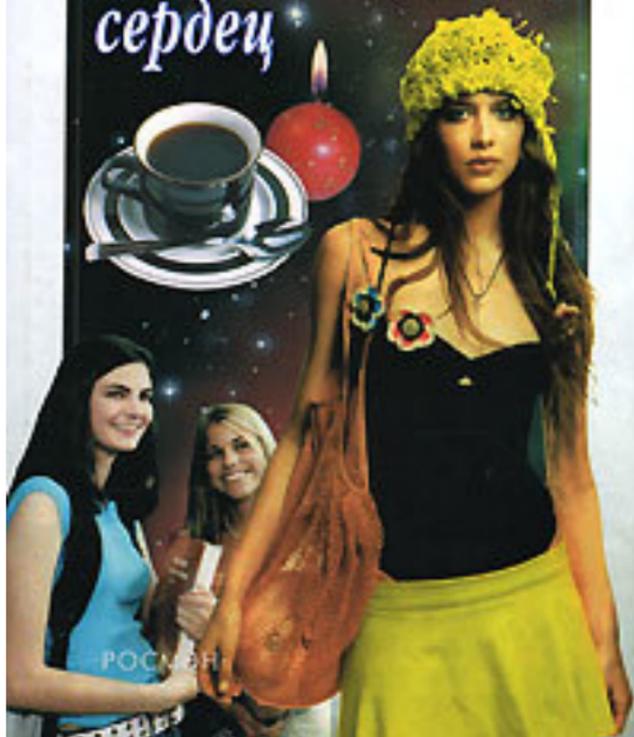


Первый роман

Вера и Маринта ВОРОБЕЙ

# Вечер открытых сердец



# Вера и Марина Воробей

## Вечер открытых сердец

### Серия «Первый роман»

*Текст предоставлен издательством*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=162967](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162967)*

*Воробей В. и М. Вечер открытых сердец; Вечер открытых сердец; М.;;  
2005*

*ISBN 5-353-02114-2*

### **Аннотация**

Света Тополян устроила для своих одноклассниц вечер открытых сердец – девичник со свечами, тайнами и клятвой, что никто никогда не узнает, о чем они рассказывали друг другу. Единственное условие – говорить только правду. Тополян поведала ледящую душу историю про убийство. А Ира Наумлинская, чтобы не отстать от подруг, свою историю придумала. Последствия оказались совершенно непредсказуемыми.

# Содержание

1	4
2	13
3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

# Вера и Марина Воробей

## Вечер открытых сердец

### 1

Девушки, а их было пятеро, сидели за круглым обеденным столом. Их лица казались торжественными, глаза горели в предвкушении тайны. Посередине стола, накрытого темно-зеленой с бахромой скатертью, стоял старинный бронзовый подсвечник, рядом с ним лежал коробок длинных каминных спичек, в вазе для фруктов горкой возвышались яблоки и бананы. Свечи не горели, помещение освещалось вмонтированными в стену круглыми бра. В комнате царил полумрак, отчего лица девушек казались даже загадочными.

Светлана Тополян, хозяйка квартиры, поднялась со стула, протянула руку к подсвечнику. Ее движения были подчеркнуто плавными, неторопливыми.

– Итак, – тихо произнесла девушка, – давайте начнем. Условие одно: все должны говорить правду, каким бы откровенным ни казался заданный вопрос. Спрашивать можно о чем угодно. Хотя, если кто-то соврет, свеча обязательно погаснет.

– Что-то мне в это не верится, – подала голос Ира Наумлинская, сидевшая между Галей Снегиревой и Каркушей.

– Проверено, – возразила ей Тополян, чиркнув спичкой. – Можете считать это мистикой, но я вам правду говорю: когда кто-то врет, пламя тут же гаснет.

Луиза Геранмае тихонько присвистнула:

– Знаете, на кого мы сейчас похожи? На этих, как их... Ну, которые блюдечко по столу двигают и задают вопросы духам умерших.

– Ты имеешь в виду спиритические сеансы? – строго посмотрела на нее Тополян. – Мы будем задавать вопросы друг другу, и блюдечки тут ни при чем. И еще... – Девушка выдержала паузу и заговорила, понизив голос до полупшепота: – Прежде чем мы начнем вечер открытых сердец, каждая из нас должна поклясться на пламени свечи.

– Хорошо хоть не на Библии, – хихикнула Каркуша.

– Не смешно, – фыркнула Тополян, строго взглянув на Катю.

– Так в чем клясться-то надо? – спросила Галя Снегирева, сдвинув брови к переносице.

– В том, что каждая из нас будет говорить только правду, – ответила Тополян и, помолчав немного, добавила: – И еще мы должны поклясться, что никто и никогда не узнает о том, что здесь будет происходить. Ни одна живая душа.

Над столом повисла пауза. Тополян зажгла свечу, поправила фитиль обратной стороной обгоревшей спички и поднесла свечу к лицу.

– Слушайте и запоминайте, – сказала она, окинув всех со-

бравшихся строгим, торжественным взглядом. – Я, Светлана Тополян, в присутствии своих одноклассниц и подруг клянусь, что на любой вопрос буду отвечать правдиво и искренне... Ой! – вдруг тихо вскрикнула она. – Я забыла выключить свет.

Тополян подошла к выключателю, щелкнула им. Полумрак над столом сгустился. Колеблющееся пламя свечи освещало теперь только лицо самой Тополян. Тени, падавшие на него, искажали черты, придавая лицу Светланы несколько зловещий вид.

– Я, Светлана Тополян, в присутствии своих одноклассниц и подруг, – снова начала она, – клянусь, что на любой вопрос буду отвечать правдиво и искренне. Клянусь также в том, что ни при каких обстоятельствах не стану разглашать услышанные здесь тайны и чужие секреты. Если же я нарушу клятву, пусть презрение подруг пребудет со мной до конца дней.

Немного подержав в руке свечу, Тополян передала ее Ире Наумлинской, поскольку та оказалась к ней ближе остальных.

– А вдруг кто-нибудь спросит меня о чем-то, что касается не только меня? – спросила Ирина у Тополян. – Это же непорядочно – выдавать чужие тайны.

– Неважно, – отрезала Тополян. – В любом случае отвечать надо правдиво, потому что, кроме нас, об этом никто не узнает. Клянись! – властно потребовала она.

– Нет, девочки, вы меня извините, но я так не могу, – робко воспротивилась Наумлинская.

И тут пламя свечи погасло. Возможно, от волнения Ирина слишком резко выдохнула.

– Тогда уходи, – заявила Тополян, включая свет. – Клянись или уходи!

Взгляд Наумлинской с надеждой скользил по лицам одноклассниц. Луиза Геранмае поспешно отвела глаза в сторону. Каркуша хоть и смотрела прямо на Наумлинскую, но молчала. Галя Снегирева беспокойно заерзала на стуле. Все напряженно ожидали развязки, но ускорить ее при этом явно не желали.

Тополян в выжидательной позе застыла в дверях. В комнате установилась противоестественная тишина.

Света Тополян до последнего времени не пользовалась уважением одноклассников. Так уж сложились обстоятельства. Вернее, если уж быть до конца честными, не сами они так сложились, эти обстоятельства. Во всем Тополян была виновата сама. Сознательно, изо дня в день, всем своим поведением она противопоставляла себя остальным ученикам. Во-первых, при каждом удобном случае демонстрировала высокомерие. О чем бы ее ни спросили, Света, прежде чем ответить, выдерживала порядочную паузу, за время которой успевала смерить собеседника с ног до головы долгим, оценивающим взглядом, и только потом отвечала или, что слу-

чалось не так уж и редко, и вовсе пренебрежительно отворачивалась. Дескать, она смертельно устала от тупости и хамства окружающего мира. И, как не трудно догадаться, вскоре с ней вообще перестали общаться. Все это вполне можно было бы пережить (мало ли на свете несимпатичных личностей!), если б Тополян не совершила несколько откровенно подлых поступков.

Впрочем, началось это не сразу. Неприглядные свойства характера Тополян проявились не с первых дней ее появления в классе. Какое-то время ей удавалось, как говорится, сохранять хорошую мину при плохой игре. Дело в том, что Тополян не училась в девятом «А» с самого начала, а пришла в эту школу не так давно. Поначалу девчонки пытались наладить с ней контакт, познакомиться поближе, как это обычно бывает, когда в класс приходит новенькая. Но вскоре началось нечто невообразимое.

Больше всех не повезло Снегиревой, ставшей первой жертвой Тополян. В ту пору у Галины тоже не больно-то складывались отношения с одноклассниками, поэтому она даже обрадовалась появлению в классе новенькой. Галя Снегирева тогда только начинала писать стихи и очень хотела иметь задушевную подругу, которой можно было бы их почитать. Кроме того, у Гали тогда начинался роман с Игорем, который в ту пору был еще привязан к инвалидной коляске. Так случилось, что Снегирева, поддавшись порыву, рассказала Тополян и про стихи, и про Игоря. Тополян, изоб-

ражая восхищение, попросила Снегиреву переписать стихотворение, посвященное Игорю. А на следующий день, переступив порог класса, Галина увидела на доске это самое стихотворение, которое Тополян сопровождала циничным и жестоким посвящением: «Калеке двадцать первого века посвящается». Понятно, что имелся в виду Игорь. Надо ли говорить, что после этого случая Снегирева перестала общаться с Тополян. В ту пору она вынашивала план мести, но Игорь убедил Галину не мстить.

Потом, уже гораздо позже, когда Снегирева с помощью программы «Времечко» и победы в поэтическом конкурсе сумела раздобыть деньги на операцию Игорю, Тополян, подслушав в кафе ее разговор с Черепашкой, позвонила Игорю и посоветовала ему включить телевизор в назначенный час, выдав тем самым намерения Гали. И если бы Снегиревой не пришла в голову спасительная идея обратиться к хирургу, который должен был делать операцию, деньги, собранные ею с таким трудом, так и остались бы лежать в коробке из-под печенья. К счастью, доктор понял все как надо и без лишних слов взял у Снегиревой требуемую сумму, пообещав, что ни при каких обстоятельствах не расскажет Игорю, кто на самом деле явился его спасителем.

Перечень подлостей Тополян можно было бы продолжить. Чего стоит, к примеру, история с Надыкто и Наумлинской, в которой тоже, хоть и косвенно, но все-таки была замешана Снегирева. Ведь если бы она не написала по просьбе Иры

Наумлинской стихотворение, авторство которого впоследствии присвоила Тополян, ничего бы не произошло. В общем, вскоре девчонки начали откровенно избегать Тополян, поскольку всем стало ясно: не хочешь иметь серьезных проблем, держись подальше от этой русоволосой красотки. И так, наверное, продолжалось бы вплоть до последнего звонка, если бы не случай.

Собственно говоря, никто, кроме Люси Черепахиной, так и не знал до сих пор, что же там произошло на самом деле, почему в школу приходила милиция, кто и, главное, зачем похитил Тополян. Да и про то, что это было похищение, стало известно не от Черепашки, а от самой Светланы. Спустя несколько дней после случившегося она обмолвилась об этом в классе, но никто не стал задавать вопросов, хотя, возможно, Тополян именно затем и обронила якобы вскользь:

– Врагу не пожелаешь того, что я пережила. Теперь, когда смотрю репортажи о похищениях людей в Чечне, о заложниках, пленных, мурашки по коже бегут. И где бы я сейчас была, если б не Люся Черепихина? Подумать страшно!

Так всем стало известно, что в спасении Тополян Черепашка сыграла не последнюю роль. Впрочем, Люся на все вопросы отвечала упорным молчанием. Тополян же была уверена в порядочности Черепашки и знала: сколько бы ты ни пытали, она никогда не расскажет о том, что произошло, и о своей роли во всем этом деле тоже будет молчать, что бы ни случилось. Ведь на следующий день, когда весь кошмар был

уже позади, Черепашка сама подошла к Светлане и сказала:  
– Ты даже не волнуйся, никто ничего не узнает, – и, чуть помолчав, добавила: – От меня, во всяком случае.

Так бы и забылось, наверное, это происшествие, если бы не разительные перемены в поведении Тополян, не заметить которые мог разве что слепой. После того случая девушку будто бы подменили. Казалось, что даже голос ее стал другим. Во всяком случае, от прежних высокомерных и усталых интонаций и следа не осталось. Теперь Светлана держалась со всеми ровно, даже порой заискивающе. Например, предлагала написать алгебру или физику, подсказывала отвечающим у доски, рискуя при этом заработать «пару». Раньше и представить такое было невозможно.

Первой, с кем Тополян начала активно общаться, стала Черепашка. А поскольку Люся пользовалась в классе заслуженным авторитетом, то мало-помалу и остальные девчонки перестали сторониться Светланы. Даже Галя Снегирева и Наумлинская Ира, которые больше остальных пострадали от подлых выходок Тополян, казалось, обо всем забыли и демонстрировали благородную готовность начать отношения с Тополян, как говорится, с чистого листа. Поэтому, когда Светлана в один прекрасный день пригласила одноклассниц на девичник, ее предложение особого удивления, впрочем, как и возражений, ни у кого не вызвало.

Позже Тополян рассказала девчонкам о намерении провести вечер открытых сердец. Поначалу все даже растеря-

лись, ее предложение казалось по-детски наивным. Но когда Тополян рассказала, что летом в лагере они устраивали такие посиделки чуть ли не каждую неделю и никому при этом не было скучно, все согласились. Во-первых, Светлана так увлеченно приводила доводы в защиту своего предложения, так интригуяюще улыбалась, обещая незабываемый вечер, а во-вторых, все понимали, что должны предоставить Тополян шанс окончательно реабилитироваться перед классом. Пусть себе устраивает свой ВОС (так сокращенно называли такие девичники в летнем лагере), если ей так хочется. Они готовы подыграть в любой мало-мальски стоящей затее.

Но теперь, когда вечер открытых сердец, даже не успев начаться, принял вдруг такой неожиданно агрессивный оборот, девчонки были в недоумении. Как на это реагировать? Чью сторону принять? Вроде бы справедливость на стороне Тополян. Ведь если уж договорились быть откровенными до конца, то какие могут быть оговорки? А с другой стороны, Ира Наумлинская тоже права: чужие тайны никто не вправе выдавать. Как тут быть, оставалось неясным. Пауза слишком затянулась. Такая напряженная тишина не могла длиться долго.

## 2

– Вообще-то мне кажется, что Ирка права, – нерешительно сказала Снегирева. – Давайте так договоримся: если вопрос будет касаться лично тебя, нужно на него отвечать откровенно, а если спросят о ком-то другом... Ну сами посудите! – все больше горячилась девушка. – Допустим, кто-то доверил мне нечто сокровенное, настолько личное... Вы только представьте себе, что поделились с кем-то страшной тайной, а этот человек оказался потом на таком вот ВОСе дурачком... Лично я, если б узнала, что кто-то раскрыл мою тайну, потом даже бы не посмотрела в сторону этого человека!

– Все правильно, – решительно заявила Луиза Геранмае. – Ты, Светка, как всегда, палку перегибаешь. Что за идиотский максимализм? Лично я тоже, например, не собираюсь никого ни закладывать, ни предавать. Как хотите, девочки, но я в такие игры не играю. – Лу поднялась со стула и шагнула к дверям.

Наумлинская тут же последовала за ней, а через секунду к ним присоединилась и Галя Снегирева. За столом осталась одна Каркуша, но вскоре и она поднялась со своего места:

– Мне, если честно, эта затея сразу не понравилась. А потом смотрю, все вроде как загорелись. Ну, думаю, не буду от коллектива отрываться. Но если кого-то здесь интересуе

мое мнение...

– Пойдите! – перебила Тополян, выхватывая погасшую свечу из рук Иры Наумлинской. Та по-прежнему сжимала ее в руках. – Я согласна. Давайте тогда договоримся не задавать вопросов, прямо касающихся других людей.

– А косвенно? – возразила Лу. – Я все равно не стану о других распространяться.

– Но ведь о чем ни спроси, – стояла на своем Тополян, – любой вопрос затрагивает не только тебя. Понимаете? Я предлагаю внести в клятву поправку: клянусь отвечать правдиво на любой вопрос, касающийся только меня. Вот, например, – обратилась Светлана к Лу, – если я спрошу тебя о твоих отношениях с каким-нибудь парнем, допустим: «Как ты относишься к Фишкину?» Получается, что этот вопрос касается не только тебя, но и Фишкина...

– Это другое. Так, мне кажется, можно, – пожала плечами Лу. – Вот если бы ты спросила наоборот, как Фишкин ко мне относится...

– Да это и так всем известно, – захихикала Каркуша, которая с давних пор имела на Фишкина зуб.

– В общем, я согласна, – подвела черту Тополян, которой не терпелось начать вечер. Она готова была на любые уступки, лишь бы спасти свою затею. – Давайте внесем эту поправку в нашу клятву. Рассаживайтесь, – обратилась она ко всем и сделала широкий жест рукой.

Когда девушки заняли прежние места, Светлана снова по-

дожгла фитилек свечи и, убедившись, что пламя горит ровно, выключила свет.

– Надеюсь, что с третьей попытки получится, – миролюбиво продолжила Тополян и заговорила торжественным голосом: – Я, Светлана Тополян, в присутствии своих одноклассниц и подруг клянусь, что на любой вопрос, касающийся лично меня, буду отвечать правдиво и искренне. В том случае, если при этом от меня не потребуется выдать чужую тайну. Клянусь также в том, что ни при каких обстоятельствах не стану разглашать услышанные здесь тайны и чужие секреты. Если же я нарушу клятву, пусть презрение подруг пребудет со мной до конца дней.

Тополян удовлетворенно вздохнула и с чувством выполненного долга передала свечу Ире Наумлинской. Та тихо повторила текст клятвы, поменяв некоторые слова местами. Но, к счастью, Тополян не обратила на это внимания, и вскоре свеча благополучно перешла к Луизе Геранмае.

Когда с клятвой было покончено, Тополян поставила свечу в подсвечник и голосом распорядительницы бала начала объяснять правила игры:

– Сейчас мы вытянем жребий. Начнем с той, кому достанется короткая спичка. Вопросы будем задавать по очереди, по часовой стрелке...

– А я думала, что спрашивает тот, кто передает тебе свечу, – вклинилась Каркуша.

– Нет, – будто бы с грустью покачала головой Тополян. –

Каждая из нас ответит на четыре вопроса. Это первый круг.

– А сколько должно быть кругов? – спросила Лу.

Казалось, она откровенно томится и эта затея нравится ей все меньше и меньше.

– По количеству участниц, – ответила Тополян. – Стало быть, пять кругов.

Затем она достала из коробка пять спичек, отломил кончик одной, сложила их в ряд и, зажав пальцами так, чтобы не было видно, какая сломана, протянула руку к Каркуше.

– Тяни!

Каркуша молча вытащила спичку.

– Длинная! – радостно выкрикнула она.

Ей ужасно не хотелось быть первой.

Вслед за Каркушей тянула Снегирева, потом Наумлинская. Сломанная спичка все еще оставалась у Тополян.

– Ну вот! – обиженно протянула Лу, когда очередь дошла до нее. – Так и знала, что мне выпадет.

Но Лу повезло, и сломанная спичка досталась хозяйке вечера.

– За что боролись, – обреченно произнесла Тополян и добавила, посмотрев на Наумлинскую, которая сидела слева от нее: – Ты начинаешь.

Ира была явно озадачена. Оказалось, не так-то просто сформулировать интересный вопрос. Не спрашивать же Тополян, что она ела вчера на обед или кто из участников «Фабрики звезд-4» нравится ей больше всех. Понятно, что

вопрос должен содержать в себе интригу, какую-то тайну, нечто такое, что было бы интересно узнать всем собравшимся. Напряженная, лихорадочная работа мысли отражалась на лице девушки, черты которого казались зыбкими в дрожащем пламени свечи. Внезапно Наумлинская почувствовала острую обиду, вспомнив о недавнем инциденте, когда Тополян вдруг потребовала, чтобы она клялась или уходила. Набрав полную грудь воздуха, девушка резко выдохнула и выпалила:

– Света, скажи, а что случилось с тобой тогда? Ну... когда ты несколько дней не ходила в школу? Помню, ты что-то говорила о заложниках... Тебя что, удерживали силой? Кто? Как все происходило?

Наумлинская знала, что ответ будет интересен всем собравшимся, без исключения. Наверное, если б Тополян не спровоцировала ее своим поведением, Ира не стала бы затрагивать такую острую тему, предоставив это другим. Но вопрос прозвучал, и теперь все, затаив дыхание, ожидали ответа. Четыре пары глаз, мерцающих в полумраке комнаты, были устремлены на Тополян. Та прерывисто вздохнула и протянула руку за свечой.

– По правилам ты должна была задать всего один вопрос, – заметила Тополян. – Я отвечу на первый. Скажу честно: вспоминать о случившемся мне очень тяжело.

Девушка немного помолчала, затем опустила голову и закрыла лицо руками. Какое-то время она сидела так, потом

отняла руки от лица и, скользнув по стенам затуманившимся взглядом, снова тихо заговорила:

– Да, так вышло, что я стала жертвой маньяка. Угрожая ножом, он привел меня в свою квартиру и держал там пять дней в темном, сыром подвале, пока я... – Тополян осеклась, посмотрела на Наумлинскую и отрезала: – Это все. Кажется, я ответила на твой вопрос.

Огонек свечи затрепетал, Тополян чуть отвела руку в сторону, подождала, пока пламя выровняется, и обратилась к Каркуше:

– Теперь твоя очередь, Кать. Спрашивай. Я, конечно, понимаю, раз уж эта тема возникла, – тут она с легким укором посмотрела на Наумлинскую, – то мне придется рассказать вам все. А знаете, – тряхнула Светлана собранными в хвостик волосами, – наверное, так даже лучше... Если честно, я уже не могу держать это в себе. Только, пожалуйста, разрешите мне сделать это постепенно. От ваших вопросов будет зависеть многое... – Тополян перевела дыхание.

Ее печальный взгляд был устремлен куда-то вдаль. Тут она почувствовала, как горячая волна поднимается откуда-то из самой глубины ее сердца, заставляя его забиться учащенно и гулко. Она знала это состояние. Оно являлось предвестником прилива особых душевных сил, которые дарили ей ощущение легкости и невероятной свободы. Наверное, люди творческих профессий, когда говорят о вдохновении, имеют в виду что-то похожее. Так, во всяком случае,

думала Тополян.

Теперь, даже если девушки и не собирались расспрашивать Светлану о том происшествии, они просто обязаны были это сделать, тем более, хозяйка вечера совершенно недвусмысленно намекнула, что давно уже хочет излить душу. Что и говорить, трудно найти для этого более подходящее время и место. Вечер открытых сердец для того и был задуман, чтобы каждый имел возможность открыться другим.

В эту секунду Каркуша, глядя, как прерывисто дышит сидевшая напротив нее Тополян, подумала, что, может быть, та специально организовала этот ВОС, чтобы выговориться. Впрочем, Светлана ведь не могла знать наверняка, что ее об этом спросят.

– А ничего, если вопрос будет в форме просьбы? – отважилась наконец Каркуша.

– Не знаю, – пожала плечами Тополян. Теперь ее лицо выражало готовность ко всему, если не сказать смирение. – Попробуй, – предложила она.

– Света... Расскажи нам, пожалуйста, о том человеке... Ты знала его раньше, ну... до того случая?

### 3

Сейчас она ощущала себя актрисой камерного театрального, где понятие сцены как таковое отсутствует и актрису от публики отделяет лишь стол. Затаив дыхание, зрители ждали. Ждали, когда она начнет говорить. Внезапно Светлана вспомнила вычитанную где-то фразу: «Умение держать паузу – вот что отличает хорошего актера от плохого». И еще: «мхатовская пауза». В той статье речь шла об артистах старого, прославленного МХАТа, об их умении держать зрителей в напряжении, сколь долгой ни была бы пауза.

Тополян чувствовала, знала, что ее теперешняя пауза может длиться целую вечность. Девушка вздохнула, вставила свечу в подсвечник, медленно поднялась со стула и вышла из комнаты. Когда она вернулась с бутылкой минеральной воды в одной руке и стаканом в другой, мизансцена не изменилась. Те же напряженные позы зрителей, то же нетерпеливое ожидание в глазах. Казалось, что за время ее отсутствия никто даже пошевелиться не решился. Ее одноклассницы словно превратились в декорации, в часть сценического пространства, призванного помогать гениальной актрисе играть свою нелегкую, полную неподдельного драматизма роль. И даже шипение, которым сопровождалось откручивание пробки, не нарушило атмосферы напряженного и таинственного ожидания. Не торопясь, Тополян выпи-

ла полстакана воды, взглядом предложила девушкам последовать ее примеру. Никто, естественно, в такую минуту на воду не польстился. Впрочем, она не сомневалась, что все так и будет. Если бы кто-нибудь из одноклассниц потянулся к бутылке минералки, она бы сочла это собственной недоработкой. Значит, не сумела актриса полностью, безраздельно завладеть вниманием зрителей, если в такую напряженнейшую секунду у кого-то может возникнуть мысль о воде.

– Хороший вопрос, – нарушила наконец молчание Тополян. – Знала ли я того человека? – проговорила она и, обведя зрителей отрешенным взглядом, потянулась к подсвечнику.

Теперь ее лицо снова стало казаться призрачным и как будто нереальным. Девушка хорошо знала о том жутковатом эффекте, который придают чертам лица отсветы пламени свечи, опущенной к подбородку. Знала и умело пользовалась им, придавая своему голосу соответствующие интонации.

– И да, и нет, – продолжала Тополян. – Целый год тот человек преследовал меня, не решаясь познакомиться. Он был в меня влюблен, безумно влюблен... И порой, когда я в течение нескольких дней не встречала его на улице, в магазине или вагоне метро и не видела его всегда бледного, немного нервного лица, я ловила себя на мысли, что скучаю по нему, начинаю волноваться: не случилось ли чего с моим таинственным преследователем? Я никому не рассказывала о нем. Можно сказать, что этот странный, какой-то нереаль-

ный роман был нашей с Глебом тайной. Он даже начал мне сниться.

Теперь Тополян положила на стол вытянутые руки. Свечу она зажала ладонями и неотрывно смотрела на ровное, какое-то даже неестественно ровное пламя. Казалось, она исповедовалась этому огоньку, совершенно позабыв о сидящих напротив подругах, а те ничем не выдавали себя – ни звуком, ни даже вздохом.

– И вот однажды... Как сейчас помню, на мне были розовые расклешенные джинсы и черная водолазка, я остановилась возле газетного ларька. Глеб был рядом, я хоть и не видела его, но точно знала: он где-то тут. За долгие месяцы его слежки за мной я научилась распознавать его присутствие по каким-то едва уловимым признакам: запаху, движению ветра, лицам встречных прохожих. Понимаю, что поверить в это трудно, но между мной и Глебом установилась некая связь. Мне не надо было видеть его, чтобы понять: он рядом. Итак, я остановилась возле газетного киоска. Не скажу, чтобы мне что-то там было нужно... Нет, просто я всем своим существом ощущала, что сегодня, именно сейчас это должно случиться. Я знала, что он подойдет и заговорит. И именно этого я ждала, делая вид, что разглядываю обложку какого-то журнала.

Рассказывая все это, Тополян удивлялась себе: так плавно лилась ее речь, так остро она переживала наполовину выдуманные события. Впрочем, если бы ее сейчас спросили,

что в ее рассказе правда, а что – выдумка, вряд ли девушка сумела бы с уверенностью ответить на этот вопрос. Фантазия и реальные события настолько прочно сплелись в неразрывную цепь, что отделить одно от другого просто не представлялось возможным. Ее всю словно бы захлестнула волна вдохновения, на гребнях которой девушка плавно покачивалась, чувствуя себя свободной и неуязвимой. В такие минуты, когда она начинала вдруг самозабвенно сочинять собственную жизнь, Тополян чувствовала себя по-настоящему счастливой.

– Ну и что же? – не выдержала Каркуша, уж больно затянулась на этот раз пауза. Все же надо знать, когда пауза допустима и может длиться сколь угодно долго, а когда слушателям необходимо двигаться по сюжету дальше. – Он подошел к тебе, этот Глеб? Заговорил?

И как ни была Тополян сейчас поглощена творческим процессом, все же она не удержалась и смерила Каркушу презрительным и одновременно покровительственным взглядом.

– Не стоит торопить события, – мягко заметила Светлана. – Мне и так нелегко.

– Извини, – пристыженно опустила глаза Каркуша.

– Да, он подошел именно в ту секунду, когда я и ожидала этого, – сказала, переводя взгляд на огонек свечи, Тополян. Казалось, для того, чтобы продолжить рассказ, ей непременно нужно смотреть на желто-оранжевое, слегка подрагива-

ющее пламя. Будто бы это являлось не переменным и обязательным условием: говорить, глядя на огонек свечи. – «Пойдем со мной», – сказал Глеб, и тут я почувствовала, как что-то кольнуло меня в бок. Я опустила глаза: острое лезвие сверкнуло где-то чуть выше моей талии. Нож упирался мне прямо под ребра. Но самое удивительное то, чего я до сих пор не могу понять и теперь уже, наверное, никогда не пойму... Увидев острие ножа, я совершенно не испугалась. Нет, правда-правда! Страх пришел потом, уже гораздо позже. А в ту секунду мной будто кто-то руководил. Я сказала: «Убери нож. Я пойду сама куда скажешь». И он... – Тополян запнулась, быстро подняла глаза, но тут же опустила их, убедившись, что все идет как надо. – Он послушался, он поверил мне, сунул нож в карман и сказал: «Иди вперед!»

На самом деле тогда все происходило гораздо круче, непонятно даже, ради чего Тополян решила сейчас исказить реальные события. В тот день Глеб подбросил ей в сумочку пейджер и то и дело, посылая на него приказания, вел девушку до дверей своей квартиры. Она же, наперекор всему – страху, который ощущала тогда, здравому смыслу, чувству самосохранения, – неукоснительно выполняла все его предписания, пока не оказалась на пороге обшарпанной, с облупившейся краской дверью... В общем-то не было никакого смысла менять пейджер на нож, хоть сам по себе нож, приставленный к ребрам, конечно, опаснее пейджера, подброшенного в сумочку. Но тогда непонятно, почему Тополян

«заставила» Глеба так быстро его убрать. Раз уж сочинила про нож, использовала бы тогда его, как говорится, по полной программе, нагоняя тем самым на слушателей страх. Но когда Светлану начинало нести, она уже не могла контролировать себя и по ходу рассказа определять, что из сказанного может произвести на слушателей большой эффект. Все происходило как бы помимо ее воли, и ее собственное выражение «мной как будто кто-то руководил», употребленное, правда, по другому поводу, очень точно передает то состояние, которое сама Тополян называла «поперло». Так вот, нашу Тополян поперло, и куда, к какому берегу прибьют ее волны воспаленного воображения, не мог бы сейчас сказать, пожалуй, никто на свете.

– Я пошла, пошла не оглядываясь, – продолжала, снизив голос до таинственного шепота, Светлана. – Затылком я чувствовала его горячее дыхание. Глеб не отставал от меня ни на шаг. Время от времени он тихо направлял меня, сообщая, куда следует повернуть. Вскоре мы подошли к обшарпанной, построенной, наверное, в шестидесятые годы пятиэтажке. Глеб – впрочем, тогда я еще не знала, что моего похитителя зовут именно так, – за моей спиной набрал код подъезда. Я по-прежнему не оборачивалась. Не потому, что боялась его... Нет, в ту минуту все происходящее казалось мне забавной, хоть и немного опасной игрой. Его квартира располагалась на первом этаже. Он пнул ногой дверь. Она оказалась незапертой. Первое, что я почувствовала, переступив

порог, был запах тряпья, годами хранившегося в старинных сундуках... Эта вонь – затхлости, сырости, нафталина и чего-то еще, чему я просто не в силах дать определение, – смешивалась с острым запахом лекарств. Глеб запер дверь на замок, спрятал ключ в карман и зажег свет. Потом долго, наверное минуты три, молча смотрел мне в глаза. Смутившись, я отвела взгляд. «Меня зовут Глеб», – сказал он. Я назвала свое имя, но Глеб сказал, что ему оно давно известно. Затем он сообщил, что следит за мной уже целый год. Я заметила, что знаю об этом. Не скажу, что мое признание сильно удивило его. Наконец, мы шагнули в комнату, и то, что я там увидела... – Тополян закрыла глаза, слегка покачивая головой из стороны в сторону. Казалось, сейчас перед ее внутренним взором проносятся картинки, запечатлевшие события того памятного дня. Девушка открыла глаза и заговорила снова: – На железной кровати у окна лежала груда тряпья. В первую секунду я не обратила на нее никакого внимания, потому что разглядывала другие предметы. Впрочем, почти никакой мебели в комнате не стояло. Внезапно груда тряпья всколыхнулась, из-под нее раздался то ли стон, то ли вопль, а в следующую секунду я, совершенно онемевшая от страха, увидела медленно надвигающуюся на меня тощую старуху. Глаза ее горели безумным огнем, беззубый рот шевелился, силясь что-то сказать. «Кто это?!» – выкрикнула я, прячась за спину Глеба. «Бабушка, – проговорил он. – Я привел ее... Вот она, моя невеста...» Это он ей сказал. Бабка приблизи-

лась ко мне. Ее растрепанные седые, торчащие в разные стороны волосы были похожи на мочалку, блеклые слепые глаза смотрели куда-то сквозь меня. Она протянула ко мне свои скрюченные, дрожащие пальцы и начала шарить ими по моему лицу, шее, плечам...

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.